

A portrait of Nikolai Borovoi, a man with dark hair, wearing a dark green military-style jacket with a high collar and several medals on his left chest. The portrait is set against a dark, reddish-brown background. The text is overlaid on the portrait.

Боровой Николай

Два философских
письма о парадоксах
разума и истоках
нигилизма

Николай Боровой
Два философских письма
о парадоксах разума
и истоках нигилизма. Опыт
рефлексии и дискуссии

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45101727
ISBN 9785005047564*

Аннотация

Приводимые в данной публикации тексты родились из философской переписки и дискуссии с коллегами, затрагивавшей давно волнующие автора проблемы... Автор попытался максимально сохранить их изначальный вид и счел формат философского письма наиболее приемлемым...

Два философских письма о парадоксах разума и истоках нигилизма Опыт рефлексии и дискуссии

Николай Боровой

© Николай Боровой, 2019

ISBN 978-5-0050-4756-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ, ПОРОЖДЕННЫХ СО-
ЗЕРЦАНИЕМ ОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОТО-
ГРАФИИ...**

Перед нами очень известная фотография казни еврея во время расстрелов в Виннице 42—43 года... она представлена в экспозиции музея «Яд ва Шем» в Иерусалиме... Признаюсь – когда я первый раз ее увидел, то буквально оцепенел от ужаса, от приобщения бездне

тех чудовищных и принципиальных смыслов, которые заключает в себе этот очень «привычный», «будничный» для тех времен и событий кадр... Та картина, которая открывается на снимке, соответствующая повседневности, привычным событиям тех страшных времен, содержит в себе настолько принципиальные смыслы, что их прочтение может приблизить нас к пониманию тех событий, сил и причин, ими двигавших... Перед нами человек, который ожидает казни... Бездна смерти обрела для него визуальное воплощение – это яма, на краю которой он сидит, полная беспорядочно сваленных трупов его соседей, сослуживцев, одноклассников, расстрелянных за несколько минут до него... человек этот ожидает смерти покорно, безучастно, видя в ней некую механическую неотвратимость... он просто ждет, что бы этот выверенный процесс совершился... на его лице нет гримасы ужаса перед обреченностью через мгновение превратиться в кусок бесформенного мяса на дне ямы, он не пытается умереть с достоинством, вцепившись в горло своему мучителю... при этом у него нет надежд на чудо или спасение – его судьба для него несомненна, очевидна... он просто ждет, когда свершится необходимость... он ждет смерти так же, как ждут того, что бы двери трамвая закрылись и тот продолжил движение... Перед нами его последние секунды, последние вдохи и выдохи, при этом нас не покидает ощущение механичности, «отлаженности»

совершаемого, ведь наверняка рядом, за кадром, стоят люди, которых ожидает та же судьба – на глазах у всех покорно подойти к яме, сеть на ее край и подождать, пока палач нажмет на курок и отправит их на дно ямы, в небытие... Присутствует ощущение безразлично-механического участия в этом процессе умерщвления, уничтожения и жертв, и убийц... одни – своими действиями, другие – своим бездействием, словно бы позволяют свершиться неотвратимому року уничтожения, круговороту запланированной смерти... этот человек ожидает не просто казни, он ожидает, пока фотограф сделает несколько качественных снимков его убийства, отсигналит наведшему на него пистолет офицеру – «отлично, снято»... так он зарабатывает еще несколько вдохов, несколько мгновений бытия... Рядом, на убийство словно на представление, выстроилась группа немецких солдат и офицеров, которые наблюдают за механической, насильственной смертью десятков людей, той же самой, которая в перипетиях войны возможно ожидает их самих, и возможно – не так уж не скоро... Молодой офицер-немец сосредоточенно готовится отнять жизнь у человека, такого же как он сам, обладающего такой же трагической судьбой, как и у него самого, возможно – такого же, как его отец, но он не ощущает, не сознает, не различает этого в механической последовательности совершаемого, этот казнимый им «другой» для него – лишь «галка» в списке

людей, которых он, как «исполнительный офицер, верный долгу», обязан сегодня уничтожить в отведенное для этого время, остальные – подождут до завтра... он просто «верен своему долгу» и «делает возложенное на него дело», на его лице написана та сосредоточенная, холодная решимость, концентрация воли, которая так необходима, что бы убить живое существо... он или не сознает, что возможно завтра ему придется умереть точно так же, как и его жертве, или – и это скорей всего – безразличен и к тому, и к другому... Так кто же эти люди – покорные в смерти «овцы», покорные в убийстве, холодные и безразличные орудия военной машины, ожившие или словно сошедшие со страниц романов «бесы», забывшие, что они рождены от отца с матерью и убивают людей, вполне возможно похожих на их оставшихся дома родителей? Возможно – их жертвы не являются для них «людьми» в собственном смысле слова? Но как же это возможно, что бы объединенные одной и трагической судьбой существа – той судьбой, которая называется Жизнь, Страдание, Смерть – утратили ощущение связи друг с другом, родственности друг другу в их общей человеческой судьбе? Как возможна та бездна отчужденности двух живых и обреченных на зло смерти людей друг от друга, которая делает возможным то, что запечатлено на этом снимке? Не является ли безразличие к себе, собственной жизни и судьбе той почвой, на которой произрастают готовность убивать и безразличие

к жизни «другого»? Почвой, из которой проистекает та холодная и покорная решимость воли, которая делает возможным механическое, безличное убийство десятков и сотен людей? Н. Бердяев пишет, что война – это предельная степень обезличенности людей, превращенных в орудия уничтожения, предельность их экзистенциальной отчужденности друг от друга... но как это становится возможным, при каких условиях? Как же это возможно, что бы один человек не мог распознать в «другом» такого же человека, как он сам, судьба и ситуация которого таковы же и настолько же трагичны, как и его собственные? Ты пишешь дословно следующее: «... дело в то, что Homo sapiens гораздо ближе к своим предкам, чем принято считать, и ему постоянно надо делать над собой усилие, чтобы заглушить в себе «голос предков» и стать Человеком или Сверхчеловеком, как говорил Ницше, а не просто двуногим животным, каким он и есть по своей сущности и природе...» ... для объяснения подобных вещей не достаточно упрощенного, столь распространенного представления о человеке как «двуногом животном», слегка преобразованном цивилизацией, природа которого в любой момент готова «прорваться» и заявить о себе... Прежде всего потому, что та ситуация, которая превращает человека в то, что мы видим на этом снимке – в орудие «ничто», орудие низложения ценности жизни и человека – имеет более глубокий смысл, более

глубокие и трагические корни, причины... Подчиняясь установкам «объективистского», «социологического» взгляда на человека, доминирующего в картине мира современности, мы привыкли видеть в обществе фактор, формирующий и очеловечивающий человека, ретранслирующий моральные ценности существования, мы отождествляем моральность и человечность человека с его «социальной нормативностью», с его позитивной и продуктивной социализированностью, способностью разделять нормативные для социальной среды ценности, долженствования, установки... Порочность этой установки по ее сути и последствиям трудно переоценить, ведь разделяя ее, мы фактически отрицаем самобытность человека и его личностное начало, более того – именно в торжестве этой парадигмы человека коренятся истоки того шабаша «массовости» и «безликости», который определяет облик цивилизации уже на протяжении столетия, того тотального довленья социальной среды над человеком, которое нередко делает человека орудием «нормативных» для массы и при этом преступных деяний. Поразительно то, что масштабнейшие преступления против человечности, экзистенциальных и гуманистических ценностей, совершались в исторических перипетиях XX века внутри и от имени «социальной нормы», с позиций «морали», «системы ценностей и идеалов», подчиняющих себе бытие обществ и индивида внутри социальной среды.

Проще говоря, совершались не политическими режимами, а обществами при их пособничестве политическим режимам или активном участии в преступлениях, под покровительством «общественной морали» и довлеющей над общественным сознанием «системы ценностей и идеалов». Парадоксальна и принципиальна та ситуация, когда в исторических реалиях XX века «позитивная социализированность» и «социальная нормативность» человека выступает не синонимом, а антитезой его человечности, синонимом его причастности к творимым обществом и властью преступлениям, отдаленности от нравственных истоков человеческого бытия. Бывает, что мы иронично смотрим на ту парадигму, которая на полном серьезе определяет облик цивилизации и бытия человека внутри нее – нет у человека большего смысла и предназначения, нежели «служить обществу», «быть продуктивным и полезным членом общества»... Приученные видеть в этой установке нечто привычное «уму и слуху», логичное для современной картины мира, мы даже не представляем какой подлинный, глубочайший нигилизм она заключает в себе, какое низложение ценности единичного человека и его бытия на самом деле содержится в подчинении безусловной ценности «единичного» ценностям «всеобщим», «коллективным», «социальным». Какой нигилизм заключен в отрицании единичного человека как самодостаточной ценности и цели самого себя,

в утверждении его опосредованной ценности, которая измеряется социальной продуктивностью, полезностью и целесообразностью его бытия. Какой опасный, чудовищный по его последствиям нигилизм таит в себе функциональное, социально целесообразное отношение к человеку как «объекту» и «вещи», как к «средству», предназначенному для целей и процветания социального, всеобщего бытия... Как опасна, какой нигилистической силой отрицания пронизана попытка утверждать общество и его институты в качестве безусловной ценности, в соответствии с которой проясняется ценность чего-либо, критерия моральных долженствований. Попытка видеть в единичном человеке и его бытии не самодостаточную и безусловную ценность, а ценность, измеряемую социальной полезностью и целесообразностью человека, продуктивностью его участия во всеобщем существовании, по сути нигилистична и потенциально разрушительна. Торжество этой установки, ее укоренение в морали, в «этосе» и «ментосе» социальной среды, на деле обращается той практикой преступлений власти и общества против жизни, судеб и свободы миллионов людей, которая так ужасает наш разум и нашу совесть сегодня. Кажущаяся «привычной», «логичной», «морально невинной» установка, по сути заключает в себе низложение, отрицание ценности единичного человека, его жизни и судьбы, смещает человека с гуманистического «пьедестала» самодостаточной ценности

и цели самого себя. Под ее кажущейся «правомочностью», «моральной благообразностью» скрывается то безразличие к трагедии смерти, к ценности неповторимой жизни и судьбы, к личности человека, которое определяет «типический» способ существования человека внутри цивилизации и ее отношение к человеку, проступающее из облика исторических событий... Подобная установка очевидно определяет мораль, идеологию и мировоззрение фашистских тоталитарных обществ, но если вдуматься – она заложена в морали цивилизации как таковой, определяет судьбу и бытие человека внутри нее, когда человек превращен цивилизацией в «придаток», в средство производства и приумножения благ повседневности, социальных ценностей и благ. Просто нужно вспомнить, что в эпоху, о которой мы говорим, война и геноцид, практика массовых убийств, политических и социальных репрессий мыслились не просто как приемлемое, а как неотъемлемое условие «строительства общества и нации», «утверждения моральных идеалов», «социального прогресса», реализации великих целей и т. д. Прогресс общества, «величие нации» и «новое мировое устройство» присваивали себе неотъемлемое право утверждать себя через миллионные жертвы, войну и террор. Такова была мораль цивилизации и типических обществ внутри нее, таковы были идеологии, претендовавшие на формирование общественной морали и превращение в систему ценностей

и идеалов, довлеющую над обществом и индивидом внутри социальной среды. Таковы были идеологии, претендующие на формирование морали и мировоззрения обществ, на «сплочение» и «цементирование» обществ и наций, превращение их в содержание сознания, морального и ценностного мира индивида внутри социальной среды, в установки, определяющие его поступки, решения, отношение к тем или иным вещам. Подобное не воспринималось в «типическом» сознании и ментальности эпохи как нечто «преступное», напротив – соответствовало основным парадигмам во взгляде эпохи на человека, в ее понимании бытия человека и человеческой истории, более того, человек воспитывался в сознании его долга служить «благу грядущих поколений», в осознании им необходимости пренебрегать ценностью себя и своей жизни во имя великих целей, стоящих перед «обществом», «нацией», «человечеством» и т. д. Проще говоря, подобные установки вполне соответствовали представлениям о «социальном и историческом прогрессе», «революции как условию этого прогресса», социал-дарвинистическим представлениям о истории как «борьбе рас и наций за существование», о человеке как социо-биологическом индивиде, о предназначенности человека для «служения обществу и целям всеобщего бытия»... Конечно, утверждение подобного отношения к человеку было сопряжено с торжеством,

утверждением «социологической» парадигмы человека, взгляда на человека как социо-биологический индивид, «составляющую» социального бытия, предназначенную для его «упрочения» и «процветания» – с исчезновением из образно-смыслового поля цивилизации и сознания эпохи символики экзистенциального опыта, осознания «личности» человека. Проще говоря, дегуманизация способа существования человека внутри цивилизации, дегуманизация и «нигилизация» отношения к человеку, были сопряжены с глубинными подвижками в осознании человека и его бытия, трансформацией определяющей облик и «этнос» цивилизации парадигмы человека. Когда «типическое» сознание и официальное мировоззрение эпохи не способно разглядеть в человеке «личность», трагизм и неповторимость существования, трагизм и неповторимость судьбы, усматривает в нем лишь «статистическую единицу социального бытия», социо-биологический индивид, представителя «расы», «рода», «нации» и т.д., формируется и соответствующее отношение к человеку как «средству» и «материалу», предназначенному для реализации «великих», «всеобщих», «коллективных» целей. Приемлемым становится сгноить, уничтожить многие тысячи таких «индивидов», «статистических единиц» во имя «величия и утверждения нации», «всеобщего прогресса», реализации великих социальных и политических замыслов и т.д., а проще

говоря – на полях сражений, в «буднях» концентрационных лагерей и «великих строек», воплощения социальных программ и т. д. Патриотизм, идеи «всеобщего прогресса», верности человека расовому и национальному происхождению, предназначенной его для утверждения и процветания его «рода» – все это лишь «идолы», в служении которым оформляется извращенное понимание человека и извращенное, нигилистическое отношение к единичному человеку и его бытию, иначе – исчезновение из сознания эпохи гуманистического сознания личности в человеке и ее безусловной ценности. Проще говоря, дегуманизация бытия и сознания человека, становление нигилистического отношения к человеку происходят в сопряжении с торжеством, абсолютизацией «социологической» парадигмы человека и помутнением в сознании эпохи экзистенциального понимания человека, символики экзистенциального опыта. Поразительно то, что низложение ценностей экзистенциальных и гуманистических ложится в основание общественной «морали» и «социальной нормы», довлеющей над социальной средой «системы ценностей и идеалов», преступления против человечности привычно оправдываются моральными соображениями, высокими целями и идеалами, превышающими, как предполагается, ценность единичного человека и его жизни. Нацистские преступники недоуменно оправдывают

жестокость в отношении к врагам нации и расы «моральным долгом перед отечеством», необходимость массово умирать и убивать оправдывается борьбой за свободу и социальную справедливость, всеобщий прогресс и созидание нового миропорядка. Принципиально утверждает себя – на уровне практики и повседневности – довлениe ценностей коллективных и абстрактных, социальных над ценностью «единичного», что в конечном итоге обращается визуальным торжеством нигилизма, его невиданными масштабами. Парадокс и загадка в том, что нигилизм пронизывает собою «мораль», «социальную норму», «этос» социального бытия, застывает в морально-ценностных категориях, довлеющих над обществом и его сознанием, бытием индивида внутри общества. При этом апофеоз массовости и безликости, тотальность довлениa социальной среды над человеком, отождествление «моральности», «полноценности» человека с необходимостью для него жить и поступать «как все», разделять нормативные для общества и среды установки, становятся фактором наибольшего отдаления человека от нравственных истоков его бытия. Правда в том, что цивилизация познает обрушение в бездну уничтожения и отрицания именно с высоты «ценностей» и «идеалов», вдохновляющих ее бытие «моральных парадигм», пережитая ею в середине XX века катастрофа обращается попытками переосмысления «морали» и «ценностных идеалов», возвращения

к нравственным истокам человеческого бытия, к преданным забвению экзистенциальным и гуманистическим ценностям. Приведя к катастрофе уничтожения и отрицания, низложения фундаментальных ценностей существования, извращенная мораль цивилизации ищет истоки возрождения и обновления, которые призваны предотвратить последующую катастрофу, в контексте этого процесса впервые осмысливается и осуждается «идеология», пронизывающий определенную «систему ценностей и идеалов» нигилизм. Советские гуманисты времен «оттепели» расшатывают привычное сознание и привычную мораль, задавая вопрос – приемлемо ли, что «родина», «общество» и «прогресс» есть для нас «все», а отдельный человек в трагизме и неповторимости его судьбы – «ничто»? Перед нами предстает феномен извращения «социальной нормы», извращения «этоса» и «ментоса» социального бытия, довление которого над отдельным человеком становится синонимом его отдаления от истоков его человечности, соучастия в творимых обществами и режимами преступлениях. Парадокс в том, что извращение социальной нормы и социального бытия превращает человечность в путь совести и личной ответственности, путь одиночества, риска и противостояния, связывает человечность человека с раскрытостью его личностного начала, его способности на путь свободы и ответственности за себя, противостояния

с позиций совести «морали», ценностям и идеалам социальной среды. Позиция совести как никогда означает одиночество и противостояние, скепсис и отрицание в отношении к морально-ценностным установкам социальной среды, вследствие чего нередко предстает как «аморальность», «отщепенничество», «нигилизм», надежда на человечность человека становится связана с его свободой и личностным началом, способностью действовать из внутренних истоков и долженствований, под личную ответственность. Как никогда человечность человека, сама его сущность становятся связанными с его личностным началом, его самобытностью, с его «больше-чем-социальностью», готовность человека действовать, опираясь на правду совести и непреложный характер ее требований, исходя из полноты личной ответственности, становится залом того, что человек будет человечен. Как никогда позиция совести подразумевает низложение общепринятых ценностей, установок, моральных норм, противостояние социальной среде, преступление против законов государства, решимость человека смотреть на мораль общества и законы государства скептически, критически. Потому то свобода и личность, все то, что неотвратимо связано с ними – совесть, опыт моральной ответственности, способность решать, критичность мышления и восприятия – оказываются наиболее опасными, враждебными для социальной среды, утверждающей свою

«монолитность» через тотальность ее довлениа над человеком. Подчинение и «ведомость», растворенность в бытии среды, следование в русле навязанных ею ценностей и установок, неспособность человека отнестись к происходящему с позиций личной совести и личной ответственности, становятся почвой превращения человека в орудие преступлений, совершаемых им в рамках его «социальной нормативности» и «моральности», лояльности законам государства и общепринятым нормам. Посмотрев на этот снимок, попробуй не задайся вопросом – как же это возможно, что бы обычный, «социально нормативный» человек, поступающий в русле моральных установок, идеалов и ценностей социальной среды, массово оказался способен на совершение деяний, преступающих против последней ценности существования и человека? Как возможно, что бы человек и существование настолько утратили ценность в сознании, установках и ментальности массы, в мощи властвующих над ней аффектов, мифов, идей? Как может апофеоз нигилизма и отрицания, низложения ценности бытия превратиться в эпохальное, экзистенциальное состояние человека внутри цивилизации, оформляющееся в облике исторических катастроф, становлении тоталитарных идеологий и обществ, безраздельной власти над массой воли кровавых диктаторов, абстрактных идей и иллюзий? Подобное низложение ценности существования и человека в вихрях

социальных и исторических катастроф – не является оно лишь выражением низложенности ценности человека и его бытия в «этосе» цивилизации, в ее нормах и буднях, в привычных реалиях того человеческого мира, который потрясают эти катастрофы? Может быть торжество нигилизма, пронизывающее облик исторических событий, является лишь следствием и выражением той обесцененности человека и существования, которая заложена в морали и основополагающих парадигмах цивилизации, в «устойчивых», «типических» формах существования человека, которые она продуцирует, проще говоря – в том положении в мире, на которое цивилизация обрекает человека? Подобные ужасы, определяющие облик исторических событий, объяснимы только превращением нигилизма, культа смерти и отрицания в экзистенциальное состояние массы, само это в свою очередь может быть объяснимо только глубочайшими подвижками в способе существования человека, дегуманизацией мира и бытия человека внутри цивилизации, проще говоря – глубочайшими и трагическими противоречиями в способе существования человека внутри цивилизации и того положения, на которое она его обрекает. Перед нами предстает тот апофеоз нигилизма, низложения человека, отрицания ценности человека и его бытия, которым по сути, в ее «этосе» и основополагающих установках является цивилизация

«всеобщего прогресса», «производства и потребления». В самых своих основаниях низлагающая человека, нигилистичная в отношении к судьбе единичного человека и ценности его бытия, эта цивилизация заключает в себе то глубинное противоречие, которое периодически приводит к историческим всплескам нигилизма, к восстанию человека против существования, которое переживается им как ад бессмыслицы, проклятие, зло. Приговоренный цивилизацией к положению ожидающей уничтожения вещи, придатка созданного цивилизацией мира повседневного благополучия, к существованию как аду бессмыслицы, «временению по пути к смерти», человек отрицает существование, восстает против проклятия бессмысленного бытия. Превращая существование человека в царство времени, смерти, бессмыслицы, в апофеоз повседневной безликости и функциональности, низлагая и отрицая человека как ценность, цивилизация обрекает человека на отрицание существования, на восстание против того проклятия и страдания, которым является для человека бытие. Проще говоря, дегуманизация существования человека, пронизывающая «этос» цивилизации, ее «будни» и «нормы», ее основополагающие парадигмы и установки, порождает периодически сотрясающие бытие цивилизации всплески нигилизма и отрицания... Парадигма утверждения общества и его институтов как безусловной ценности, подминающей под себя «единичное», предназначенности

человека для служения «общественному прогрессу и процветанию», целям всеобщего бытия, производства ценностей и благ повседневности, на деле означает торжество нигилизма, низложения человека как ценности и цели самого себя, функционального отношения к человеку не как к ценности, а как к «вещи» и «средству». По сути дела, именно отсюда – из нигилистической и дегуманизированной парадигмы человека и его бытия, определяющей облик и «этнос» цивилизации, проистекает отрицание существования, восстание человека против бессмысленного, враждебного человеку и извращенного существования как того рока, на который его обрекает цивилизация. Пронизывающее исторические катастрофы низложение ценности человека и его жизни выступает как продолжение, апофеоз того низложения человека, той обесцененности человека и существования, которые пронизывают «этнос» цивилизации, ее «нормы» и «будни», «типический» способ существования внутри нее. Проще говоря, тот мир, который десакрализует человека и его бытие, обесценивает их и превращает их в «ничто», рано или поздно сам превращается в визуальное торжество нигилизма, в карнавал смерти и отрицания, самого человека превращает в орудие уничтожения и отрицания. Те глубинные процессы в способе существования и положении человека, которые определяют «этнос» и облик цивилизации, прорываются наружу в вихрях

исторических катастроф и пронизывающем их торжестве нигилизма. Более того, обесцененность, низложенность человека и его бытия в «этосе» цивилизации, в ее «буднях» делает возможным тот апофеоз нигилизма, отрицания ценности человека и существования, который определяет облик исторических событий, масштабные исторические авантюры. Проблема в том, что цивилизация «всеобщего прогресса» в ее основополагающих парадигмах и установках пронизана нигилизмом, дегуманизирована, низлагает ценность человека его бытия, враждебна его личности, «единичности», человечности как таковой. Поэтому нет причин удивляться тому, что ее история пронизана масштабными взрывами нигилизма, отрицания ценности человека и существования, обретающими облик исторических и социальных катастроф. Цивилизация «социального прогресса», «производства и потребления» содержит в себе глубочайшее противоречие – она отрицает единичного человека как самодостаточную ценность и цель самого себя, низлагает ценность человека и его существования, обесмысливает существование человека, превращая его в придаток созданного ей мира вещей и благ повседневности, а его бытие – в безразличное ожидание смерти, уничтожения... Подобное противоречие обращается отрицанием существования, превратившимся в экзистенциальное состояние массы – человек, низложенный в его ценности, восстает против

проклятия бессмысленного, извращенного существования, на которое как на рок его обрекает цивилизация, он умирает и убивает, словно бы «верша суд» над злом и проклятием бытия. По сути, отрицая существование, словно бы избавляясь от него как «ненавистной и мучительной ноши», человек восстает против того положения и удела, на который его обрекает цивилизация, состояние человека массы проступает из облика исторических событий подобным тому состоянию отчаяния, отрицания и ненависти к жизни, которое передано Ф. Достоевским через образ Кириллова, а Л. Толстым – в начале его «Исповеди». То безразличие к существованию, трагедии смерти, которое дышит нам в лицо из этого снимка, превращенность самых обычных, «типических» людей в холодное, безразличное орудие уничтожения, не объяснимы ничем иным кроме безраздельной власти над человеком эпохи отрицания и отчаяния, предельной обесцененности для него существования, его превращенности в «ничто». Безразличие к ценности человека и жизни, покорное и безразличное участие в круговороте запланированной и целесообразной смерти, проступает на этом снимке и в облике жертв, и в облике палачей. То отрицание существования, о котором мы говорим, проступает в готовности миллионных масс приносить существование в жертву на алтарь иллюзий, химерических и абстрактных ценностей, безразлично отдавать и отнимать жизнь «во имя» и по воле политических

вождей. Приглядимся к фактам – «типический» человек эпохи действует так, словно бы бытие есть для него «ничто», зло и страдание большее, нежели смерть, он с легкостью ввергается в исторические авантюры, подразумевающие необходимость безразлично отнимать и отдавать жизнь... Под громыханием идеалов и возносимых «над всем» абстрактных целей, начиная с «величия родины и нации» и кончая «идеей всеобщего прогресса» и «мессианского претворения истории», со всей неумолимостью проступает неоспоримый, очевидный факт – для «типического» человека эпохи существование есть «ничто», проклятие и зло в большей мере, нежели ценность, дар. Привыкая в «буднях» и «нормах» цивилизации к своей «обничтоженности», к обреченности на положение средства, «материала», ожидающей смерти вещи, проще говоря – к обесцененности своего бытия, человек безразлично, «с легкостью» отдает и отнимает существование, подчиняясь прихоти власть имущих, во имя навязанных ему химерических, абстрактных целей. По сути дела, мера власти над человеком эпохи воли политических вождей, идей и мифов, абстрактных целей и т. д. пропорциональна власти над ним «ничто», пустоты и отрицания, безразличию человека к ценности бытия. Там, где существование человека превращено в безразличное ожидание смерти, апофеоз повседневной безликости и функциональности, где человек низведен до «средства» производства

и приумножения социальных благ и ценностей – человек и его существование обесценены, превращены в «ничто». Парадигма человека и его бытия, определяющая облик цивилизации, пронизана безразличием к трагедии смерти, временности и конечности человека, в ней заложено отрицание человека как ценности и цели самого себя – именно в этом таятся причины, по которым навязанная цивилизацией данность существования предстает человеку как пошлость, бессмыслица, зло. Подобная обесцененность, десакрализованность человека и его бытия в «этосе» цивилизации, в «типических», «устойчивых» формах существования человека внутри цивилизации, с чудовищным масштабом и символизмом проступает в перипетиях исторических катастроф, в готовности человека безразлично умирать и убивать «среди борющихся машин» во имя мифов, иллюзий, идеологических химер. Несомненно одно – облик исторических событий определяет нигилизм, превратившийся в экзистенциальное состояние массы, отрицание существования как могучий аффект, властвующий над типическим человеком эпохи. Жизнь становится для человека «ничто», переживается им как зло, бессмыслица, ад, и человек отрицает жизнь, в совершаемых им действиях низлагает ее и вершит над ней «суд», безразлично ввергается в авантюры, подразумевающие необходимость отнимать и отдавать ее. Практика, чудовищная повседневность исторических,

социальных событий воочию свидетельствует о том, насколько человек и его жизнь превращены в «ничто», лишены последней ценности, над ценностью «единичного» безраздельно довлеют ценности социальные, абстрактные. Попытка понять смысл этих событий и превращение нигилизма в дух эпохи, в состояние «типического» для нее человека, неотделима от необходимости проникнуть в ситуацию человека внутри пространства цивилизации, прояснить суть противоречий, пронизывающих способ существования и положение человека внутри цивилизации. Причин этого может быть несколько, прежде всего – беззащитность человека эпохи перед осознанием смерти, трагическим опытом «пробуждения», который неотвратим в мире, в котором «бог умер» и религиозный миф утратил всякую действительность, достоверность. Проще говоря, трагедия «пробуждения», которая прежде являлась уделом единиц, которой сопутствует катастрофа существования и опыт отрицания, в мире «без бога» становится состоянием массы, от соприкосновения с ужасом смерти отделенной лишь хрупкой пеленой повседневного забвения. Проблема в том, что вместе с опытом «пробуждения» наличная данность существования как «временения по пути к смерти» становится для человека адом бессмыслицы, он отрицает возможность и смысл быть так, как ему дано быть, обладая жизнью как некой отсрочкой приговора. При том, что социальная

повседневность человеческого бытия всегда является бессмыслицей, трагически предстает таковой в опыте «пробуждения», незнанием о смерти, об обреченности на уход в небытие человек защищен от познания, как говорил Л. Толстой, страшной и несомненной истины – бессмысленности того, что дано ему как жизнь. Когда смерть как судьба, жизнь как неумолимость движения к смерти сокрыты от человека, от него сокрыты так же и трагические реалии его настоящего, бессмысленность жизни как растворенного в водовороте повседневности, безразличного и покорного ожидания смерти, настоящее и подлинные реалии его бытия открываются человеку лицом смерти, бессмыслицы, пустоты. Познав смерть как неумолимо приближающуюся судьбу, человек сталкивается со страшной истиной о бессмысленности жизни в том, как она дана ему, познает обрушение в бездну пустоты, отрицания, неизвестности, невозможность жить так, как ему дано жить, и незнание путей к спасению. Пробужденность становится фактически катастрофой человека и его существования, обращается трагическим опытом отрицания, истоком его конфликта с миром и наличной данностью бытия. Беззащитность перед осознанием смерти, существование на обломках религиозного мифа в качестве некой культурной ситуации человека может быть признано причиной отрицания бытия, восстания человека против извращенной, абсурдной данности его бытия и положения

в мире. Помимо этого, и это главное – апофеоз нигилизма и отрицания бытия связан с дегуманизованностью мира и бытия человека в пространстве цивилизации, превращенностью человека в ожидающую смерти «вещь», в «средство производства», в «придаток» созданного цивилизацией мира вещей и повседневного комфорта, превращенностью существования человека в нечто, наиболее враждебное ему, обесцененное – ожидание смерти, производство и использование вещей, апофеоз повседневной функциональности. Безразличие цивилизации и ее «ценностного мира» к трагедии смерти, конечности человека, превращается в обесцененность человека и его существования, становится почвой превращения человека в «средство», «объект». Проще говоря, мир и навязанный человеку способ существования отрицают его как ценность и цель самого себя, низлагают ценность его неповторимой жизни, человек превращен в функцию повседневного, в средство всеобщего процветания и прогресса, его существование превращено в царство времени, забвения, смерти... Поэтому через нигилизм и отрицание человек восстает против того удела, на который его обрекает мир, против положения ожидающей смерти, бессмысленной и для чего-то предназначенной «вещи», он отрицает существование, которое из дара становится для него «проклятием», «адам», «злом». Могучий порыв отрицания, низложения жизни предстает

нам в готовности масс убивать и умирать во имя абстрактных, всеобщих целей и идеалов, пособничать и свидетельствовать творимым властью преступлениям против гуманистических ценностей, смыслом которых является отношение к человеку как к «средству», «вещи», «ничто». То, что предстает нам в облике исторических катастроф – это гибельный танец человека, над которым властвуют отчаяние, отрицание, пустота, который силой отрицания и служения смерти словно заявляет о том, что человек должен быть всегда ценностью и целью, и никогда – средством. Перед нами – пронизывающий «этос» и «будни» цивилизации нигилизм в отношении к человеку, определяющее «типический» способ существования и положение человека отрицание ценности человека и его бытия, которое неотвратимо обращается преступлением против жизней и судеб миллионов людей в вихрях исторических катастроф. Проще говоря, в мире, в привычных «буднях» и «нормах» которого человек и его жизнь обесценены и превращены в «ничто», не могли не возникнуть концентрационные лагеря, великие стройки и проекты, реализация которых требовала сотен тысяч жизней, поля миллионных сражений и ужасы промышленного уничтожения людей. Потому что десакрализованность, обесцененность человека и его существования в «этосе» цивилизации, в ее повседневности, неотвратимо

обращается инфернальным, символическим торжеством нигилизма в потрясающих ее исторических катаклизмах. Укорененность нигилистического, функционального отношения к человеку в «типическом» способе его существования, в ценностно-целевых установках цивилизации, в ее повседневности, неотвратимо приводит к апофеозу нигилизма в облике сотрясающих цивилизацию исторических катастроф. Потому что человек и его существование с точки зрения морально-ценностных категорий, нормативного способа существования, парадигмы человека превращены в «ничто» – в придаток всеобщего блага и процветания, повседневного комфорта, человек обречен на удел, имя которому – временность, забвение, уничтожение. Когда существование является для человека ценностью, разделяемой им с многими людьми вокруг, миллионные массы людей не идут убивать друг друга, безвестно гибнуть и исчезать с лица земли во имя абстрактных ценностей и идеалов, своими действиями словно бы свершая культ смерти и отрицания, подлинной задачей является здесь понять причины и истоки подобного нигилизма, его власти над массой, сам его факт не вызывает сомнений. Превращенный в «средство» и «вещь», обреченный на покорность и безразличие перед лицом смерти, низложенный в типическом способе его существования, человек приходит к апофеозу отрицания, он восстает против существования,

которое становится для него проклятием, бессмыслицей, злом. Кроме владеющего массой отрицания жизни, восстания против «зла» жизни, низложенности человека, обесцененности и обесмысленности его существования в «буднях» цивилизации, ничем нельзя объяснить тот апофеоз фактического нигилизма, который проступает из исторически событий. Безразличие «ценностного мира» цивилизации к трагедии смерти, низложенность человека в «буднях» цивилизации, обесмысленность и обесцененность его существования, низведенного до ожидания смерти, производства и использования вещей, социального функционирования – таковы возможные истоки того масштабного отрицания бытия, которое определяет облик исторической эпохи. Приглядимся к эпохе и решимся прояснить очевидное – внутри цивилизации, в ее «этосе», в положении человека в ней и его «типическом» способе существования, человек низложен как ценность, превращен в «ничто», в функцию социально-повседневного бытия, в «средство» производства и приумножения социальных благ, смерть человека больше не является трагедией, его неповторимая жизнь – подлинной ценностью, ибо она низведена до «временения по пути к смерти», предназначена для производства «всеобщих благ». Трудно найти нечто более нигилистическое, низлагающее ценность человека и его жизни, нежели концепция «трудящегося человека», жизнь которого

предназначена для «беззаветного служения обществу» и производства социально-повседневных благ – такая парадигма человека и его бытия подразумевает человека не как ценность и цель самого себя, а как «средство», «вещь», безразлична к трагедии смерти, конечности человека. Безразличие к трагедии смерти, пронизывающее весь строй цивилизации и способ существования человек в ней, ее ценностно-целевые установки, является истоком низложения, обесценения человека и его бытия, почвой превращения человека в «средство», «объект», «вещь». Нигилизм цивилизации в отношении к единичному человеку, когда в «буднях» цивилизации и облике исторических событий человек превращен в «глину прогресса», в «материал» исторических авантур, в средство производства благ повседневности, проистекает из пронизывающего устои цивилизации безразличия к трагедии смерти. Там, где смерть человека перестает быть трагедией, человек и его бытие перестают быть подлинной ценностью, из отношения к смерти как трагедии проистекает любовь к человеку, утверждение человека как безусловной ценности и цели самого себя. На самом деле, безразличие к трагедии смерти, порождающее нигилистическое безразличие к человеку и его неповторимой жизни, с точки зрения оснований культуры, способа бытия человека отбрасывало культуру и цивилизацию в их понимании человека и отношении к человеку на тысячелетия назад.

Начиная с эпохи «осевого времени» трагедия смерти – это то изначальное, принципиальное, что тем или иным образом осмысливается и разрешается в основаниях культуры, способа бытия человека. Гуманистическая концепция человека изначально обращена к трагедии смерти и личностной, неповторимой судьбы человека. Бытие человека превращено в круговорот безликого, целесообразного функционирования и умирания, когда единственным предназначением человека на коротком промежутке между рождением и смертью является «служение всеобщему благу» и наиболее «продуктивное» функционирование в социальной повседневности, производство социальных благ. Перед нами – круговорот безлико-функциональной, «усредненной» жизни и «целесообразной», «функциональной» смерти, а по другому – царство времени и смерти, бессмыслицы, «ничто». Потому что если нет ничего трагического, чудовищного, абсурдного в смерти как судьбе, в обреченности человека рано или поздно уйти в небытие, безвестно и безлико «сгинуть», в существовании как безразличном движении к смерти, ее «ожидании», то человек и его существование есть «ничто», лишены какой-либо ценности. Безразличие к трагедии смерти как судьбы человека есть исток нигилистического безразличия к ценности человека и его бытия. Бессмысленно существовать, если существование есть покорное,

безразличное приближение к смерти, истоки смысла становятся связанными здесь с противостоянием смерти и борьбой за вечность, с творчеством и самоутверждением человека в творчестве, само самоутверждение человека означает здесь вырывание им себя из водоворота временности и повседневности, с противостоянием смерти и приобщением вечности. Концепция человека как «функции повседневного», как социального индивида, бытие которого предназначено для «служения обществу», производства и приумножения социальных благ – это квинтэссенция низложения человека, нигилистического обесценения человека и его бытия. Трагедия смерти, конечности человека не находит в этой парадигме человека и его бытия, его предназначения и места в мире какого-либо разрешения, кроме безразличия к смерти, обреченности на уничтожение, а значит – сам человек и его бытие внутри этой парадигмы превращены в «ничто», обесценены. Творчество – это основание гуманистической концепции человека, в которой человек предстает как подлинная ценность и цель самого себя, через творчество существование человека из «ожидания смерти», апофеоза повседневной безликости и функциональности становится самоутверждением, противостоянием смерти, борьбой за сопричастность вечности. Творчество выступает как основание самоутверждения человека, его противостояния небытию и забвению как судьбе, а значит – как

условие и источник смысла существования. Проблема состоит в том, что на смену парадигме человека-творца, трудом над собой и талантом завоевывающего смысл, спасение и надежду на вечность, приходит концепция «трудящегося человека», бытие которого предназначено для производства, приумножения и использования социальных благ, человека как функции социальной повседневности. Проще говоря, в реалиях новейшей цивилизации мир и бытие человека пронизаны процессами дегуманизации, низложения ценности человека, когда типический способ существования человека, парадигмы и установки цивилизации предстают как нечто, наиболее враждебное человеку, отрицающее человека как ценность и цель самого себя. Попытка понять торжество нигилизма, определяющее облик исторических событий первой половины XX века, требует проникновения в те противоречия, которые заключают в себе способ существования и положение человека внутри цивилизации, определяющая ее облик парадигма человека. Когда низложенность человека, его превращенность из «творца» и самодостаточной ценности в «составляющую» социального бытия, в безразличную к себе и собственной судьбе функцию социальной повседневности, в конечном итоге лишает существование человека ценности и смысла, приводит к его восстанию против «зла» и «проклятия» бытия. Причины нужно искать в ситуации и положении человека внутри цивилизации,

в его низложенности, обесцененности, в противоречиях в способе существования человека, когда таковой предстает как нечто, наиболее враждебное личностному началу в человеке, его единичности, собственно – его человечности. Конечно, если понимать «человечность» как то начало любви в человеке, которое связано в нем с волей к вечности и противостоянию смерти, служением бытию как ценности и дару, как некую антитезу торжества в нем нигилистического безразличия к существованию. Там, где бытие не является для человека ценностью, которую он утверждает в деяниях и способе бытия, человек не может быть человечен, как и там, где он безразличен к трагедии смерти. Там, где бытие является ценностью для человека, он не может быть безразличен к смерти и бесследному протеканию бытия и его мгновений к смерти в перипетиях повседневности, любовь к бытию и ценность бытия для человека побуждают человека к противостоянию смерти, борьбе за сопричастность вечности. Безразличие к трагизму смерти, проистекающее из него безразличие к ценности жизни, утверждающаяся на почве этого безразличия установка использовать дар жизни, проводить его «по пути к смерти» сообразно обстоятельствам повседневности – это, собственно, антитеза человечности, духовности созидательности человека. Примирение со смертью как неотвратимой судьбой, с бесследным «протеканием» бытия и его мгновений к смерти антагонистично любви к бытию,

нравственной ответственности за дар бытия, ценности и сакральности бытия для человека, фактически – оно означает торжество нигилизма в существе человека, смерть в нем его духовного, нравственного, личностного начала. Приглядимся – мы говорим о том нигилистическом безразличии, враждебном началу любви и нравственной личности в человеке, ценности для него бытия, которое пронизывает этос цивилизации, на которое человек обречен как на «типический» способ его существования. Торжество этого нигилистического безразличия к бытию, его обесценения и десакрализации, вымертвление из человека его человечности, будучи заложенными в этосе и ментосе цивилизации, обосновывающей ее парадигму человека и его бытия, в конечном итоге обращаются апофеозом преступлений против существования и человека, совершаемых цивилизацией. По сути дела, ужасы исторических катастроф в первой половине XX века мы должны понимать как «превращение латентного в актуальное», как чудовищное его масштабом и беспредельностью осуществление того нигилистического низложения человека, обесценения его личности и бытия, функционально-целесообразного отношения к нему, которое заложено в самой основе цивилизации. В ужасах социальных и исторических катастроф, в превращении миллионов жизней и судеб «материал» авантюры, «глину прогресса», в «пушечное

мясо», которым окупаются великие цели и идеи, пред нами предстает актуализация, «выход на поверхность» тех процессов, глубочайших подвижек в парадигме человека и способе его существования, которые пронизывают устойчивое существование цивилизации, ее «нормы» и «будни». Торжествующее в вихрях исторических событий низложение ценности человека и существования, является лишь неотвратимым, инфернальным его масштабами и радикальностью следствием дегуманизации судьбы и бытия человека в реалиях цивилизации, того обесценения личности и бытия человека, которое пронизывает самые «устои» цивилизации, ее «этос», продуцируемый ею способ существования человека. Напрасно питать иллюзии – человека, обреченного на судьбу ожидающей смерти «вещи», целесообразно вплетенной во всеобщее существование, в котором вымертво отношение к себе и существованию как к ценности, невозможно принудить блюсти, почитать святость и ценность жизни и личности другого. Тем более – когда это и не требуется, когда социальная и цивилизационная среда, ее мифы, идеалы и «моральные установки» вменяют ему в обязанность умирать и убивать во имя великой цели и всеобщего процветания. Превращенный в «ничто» в реалиях своего положения, бытия и судьбы в пространстве цивилизации, человек сам становится орудием «ничто» – смерти, отрицания ценности жизни и другого человека. Когда

он сам, его неповторимая жизнь и судьба есть для человека «ничто», ничего не значат для него, лишены для него какой-либо ценности и смысла, в его существовании не остается никаких моральных и экзистенциальных барьеров, которые заставили бы его остановиться перед необходимостью, совершить преступления против жизни, судьбы и личности «другого», то есть ничего, что побудило бы его признать ценность жизни и личности другого человека. Приговоренный к судьбе целесообразной «вещи», существование которой лишено какой-либо ценности, человек сам превращается в орудие смерти и отрицания, низложения ценности жизни и человека. Когда он сам и его жизнь являются для человека ценностью, в нем существуют нравственные, духовные барьеры перед преступлением против ценности жизни, судьбы и личности другого, та же совесть, которая делает его нравственно ответственным за собственное бытие, делает его ответственным перед бытием и личностью «другого», единичностью и неповторимостью «другого». По сути дела, судьба жертв в принципе подобна здесь судьбе их убийц и мучителей, сегодняшней преступник завтра разделяет судьбу жертвы в идентичных обстоятельствах, те и другие лишь покорно участвуют в круговороте функциональной, «целесообразной» жизни и столь же «целесообразной» смерти, в том низложении ценности жизни и человека которое превратилось в состояние

эпохи, в ментальное и экзистенциальное состояние человека в реалиях цивилизации. По сути дела, даже не совесть и личность, а последняя любовь к бытию, последняя ценность бытия для человека делают его непокорным перед лицом довлениа, насилия внешней воли, социальной среды, в особенности – перед лицом необходимости совершать преступления против ценности жизни. Проще говоря, власть над человеком «ничто», то есть пустоты, отрицания, отчаяния, обесцененность и обесмысленность для него существования являются почвой превращения человека в покорное, безразличное орудие массовых преступлений против ценности человека и жизни, человек является здесь преступником в той же мере, в которой и жертвой. То есть человек становится тем, чем делает его мир – безразличным к себе и собственной судьбе, к ценности судьбы и жизни всякого «другого» орудием отрицания, смерти, уничтожения, власть «ничто», низложенность и обесцененность человека заявляют о себе в его поступках, в движениях человеческой массы. Превращенный в «ничто» и лишенный последней ценности, человек становится покорным орудием преступлений, орудием «ничто» – смерти, отрицания, «низложения». Под «человечностью» мы должны понимать духовное, нравственное начало любви в человеке, которое побуждает человека к противостоянию смерти и борьбе за вечность, к ответственности за дар бытия, служению ему как ценности,

в конечном итоге – делает его способным на ту жертву в творчестве и работе над собой, которая позволяет человеку обрести смысл бытия. По сути дела, «человечность» делает человека нравственно ответственным за бытие, способным на противостояние смерти, «посвящение» бытия и подвиг творчества, обретение в этом смысла, противостояние пустоте и абсурду через жертву в творчестве и работе над собой, она является некой антитезой нигилистической установки на использование бытия, примирения с абсурдной повседневной данностью бытия человека. Там, где нет вечности, где над бытием человека властвуют время, забвение и смерть, где бытие – это не противостояние смерти, творчество и самоутверждение, а апофеоз повседневной безликости и функциональности, некая «отсрочка» перед смертью, не может быть и смысла, существование предстает здесь человеку лишенным смысла и ценности, как мука, «проклятие» и «зло», а не как «дар». Творчество есть основание гуманистической концепции человека и его бытия, условие самоутверждения человека и смысла его существования, в посвященности существования творчеству находит разрешение трагедия смерти, конечности и временности человека, бессмысленности его повседневного существования. Концепция человека как «составляющей социального бытия», ценность которой измеряется ее социальной продуктивностью

и полезностью, бытия человека как «труда на всеобщее благо», «производства и использования ценностей повседневности», «исполнения социального предназначения и социальных обязательств» – это торжество нигилистического низложения человека, отрицания его как самодостаточной ценности. Как то незаметно вместе с «прогрессом цивилизации», с разрастанием ее структур человек из ценности и цели самого себя превращается в «вещь», в «придаток» созданного цивилизацией механизма «процветающей повседневности», сиюминутности, мира вещей и комфорта. Превращение повседневного комфорта в безусловную ценность, абсолютизация повседневной составляющей человеческого бытия, как то само собой низложили ценность единичного существования, в принципе существования, превращение человека в «средство» процветания и прогресса этой «повседневной составляющей», производства благ повседневности, превратили человека в безликую «функцию», в «вещь», в нечто, лишённое подлинной ценности. Концепция «человека-творца» и человека как трудящейся на всеобщее благо «социальной единицы», участвующей в производстве и приумножении благ социальной повседневности, глубоко антагонистичны. Первая утверждает человека как ценность и цель самого себя, является основанием любви к человеку и отношения к нему как к «субъекту»,

вторая – низлагает человека, является основанием его «объективации», функционально-целесообразного отношения к нему, она словно бы «не знает» единичности человека и отрицает его как самодостаточную ценность, измеряет таковую его социальной полезностью, продуктивностью, целесообразностью. Когда смерть человека не рассматривается как трагедия, а лишь как «естественный ход вещей», когда человек мыслится как социальный индивид, составляющая всеобщего бытия, отдельное бытие которой предназначено для всеобщего прогресса и процветания, приумножения социальных благ – человек превращается в «ничто», торжествует целесообразное отношение к человеку, отрицающее его как ценность. Цивилизация «развивается», повседневная составляющая человеческого бытия абсолютизируется в ее пространстве, человек становится «нужен» и предназначается для производства вещей, повседневных благ и удобств, безликое и безразличное к трагедии смерти функционирование в повседневности превращается в способ его бытия – здесь истоки нигилистического низложения человека, превращения его в «вещь», в «ничто», в придаток созданного цивилизацией мира вещей и повседневного комфорта, обесценения его существования. Противоречие здесь в том, что логикой «прогресса» промышленной цивилизации человек становится превращен в безликую и безразличную к трагедии собственной

конечности «функцию повседневного», предназначен для производства вещей, благ и комфорта повседневной составляющей его бытия, его уделом становится «временение по пути к смерти». Признаем очевидное: новейшая цивилизация – это цивилизация повседневности, абсолютизирующая блага и ценности повседневности, предназначающее для их производства и приумножения судьбу и бытие человека внутри нее, комфорт и безопасность повседневности она мыслит как свое главное нравственное завоевание. При этом – и возможно поэтому – эта цивилизация фактически обесценивает человека и его бытие, уходит от постановки и разрешения тех дилемм, с разрешением которых связаны для человека смысл и ценность его существования. Там, где смерть, конечность и временность человека не являются трагедией, тем или иным образом осмысливаемой и разрешаемой в истоках, основаниях способа человеческого бытия, в парадигме судьбы и пути человека в мире, его предназначения, там человек и его существование по определению не являются ценностью. Когда мы видим перед собой человека, приходящего в мир для того, что бы продуктивно и целесообразно функционировать согласно интересам и потребностям общества, производить вещи, приумножать и использовать блага повседневности, воспроизводить социально продуктивную популяцию для того, в конечном итоге, что бы бесследно сгинуть

и исчезнуть в небытие, мы не можем не прийти к выводу, что человек и его бытие есть «ничто» для мира, обрекающего человека на подобную судьбу. По сути дела, способ и данность существования, сформировавшиеся, устоявшиеся на основании подобной парадигмы, предстают человеку в минуты «пробуждения», осознания себя и своей ситуации как зло и проклятие, ад бессмыслицы и пустоты, отчаяние и отрицание бытия становятся состоянием человека перед лицом его положения и ситуации в мире, в реалиях цивилизации. Парадигма «социологического» человека, социально «продуктивного» и «полезного» бытия, способ которого обусловлен «правильным» пониманием социальной природы и сущности человека – это исток «обничтоживания» человека, превращения его в «вещь», лишенную подлинной ценности. Концепция «социально полезного труда» как смысла и предназначения бытия человека, «служения всеобщему» и «производства благ повседневности» как цели его бытия – это торжество нигилистического отрицания человека в его единичности, как ценности и цели самого себя, которое при этом застывает в моральных идеалах и установках, неотвратимо обращается преступлением против существования и судеб миллионов во имя «великих», «всеобщих» целей. Когда человек мыслится предназначенным для того, что бы созидать и раскрывать бесконечность своих возможностей, в плодах жертвы и труда обретая

вечность, «лицо» и самоутверждение, надежду перед лицом смерти и смысл, мы не можем не признать, что в подобном «предназначении» человек выступает как ценность и цель самого себя. Когда человек предназначается для «служения обществу» и приумножения его ценностей, для производства используемых им вещей и удовлетворения сиюминутных потребностей, мы очевидно оказываемся перед неутешительным выводом о том, что в подобной» парадигме» человека он есть «ничто». Парадокс в том, что мораль цивилизации, провозглашающая «борьбу за социальные идеалы» и усматривающая цель и смысл бытия человека в «служении всеобщему процветанию», подчиняющая ценность «единичного» ценностям социальным, абстрактным, коллективным, на деле заключает в себе нигилизм, чудовищный по его масштабам и последствиям. Нигилизм заключен в самой этой морали и парадигме человека, а вовсе не в отрицании с позиций совести определяющих ее установок и идеалов. Когда человек в реалиях его мира и существования, под мантры «высоких моральных идеалов» на деле превращен в «ничто», в лишенную последней ценности «вещь», в «штифтик» в механизме всеобщего процветания, в свои права вступает безграничность отрицания, тогда то звучит крамольная мысль Ф. Достоевского из «Записок из подполья» – «чтобы вам всем сдохнуть, а мне что бы чай пить». То есть – чего стоит мир и на кой

черт он нужен, если человек в нем лишь «ничто», бессмыслица, безлика «вещь», чего стоит жизнь, если она есть лишь безразличное ожидание уничтожения? На кой нужен комфортный и «приятный взгляду» мир, в котором удобно проводить жизнь и «растет всеобщее благосостояние», если человек в нем есть лишь «вещь», судьба которой – временение, забвение, небытие, если жизнь человека в этом мире есть бессмыслица, царство времени, смерти, забвения? Тут истоки того трагического опыта, когда существование человеческих масс внутри цивилизации становится апофеозом отрицания существования, отрицания мира и самой цивилизации, столь извратившей, обесценившей существование человека. Помещение повседневной составляющей бытия человека, ее «процветания» и «прогресса» на пьедестал безусловной ценности, служению которой посвящено бытие цивилизации и «статистического» человека внутри нее, обращается низложением ценности существования как такового, «существующего» в его единичности, безразличием к конечности и временности человека как его трагической судьбе. Потому что парадигма существования как «производства и использования» вещей, благ и комфорта повседневного, «служения всеобщему» и «исполнения социального предназначения», а по сути – безразличного временения человека по пути к смерти, является фактическим низложением

ценности человека и его существования, а ведь именно она определяет «типический» способ существования человека в реалиях новейшей цивилизации. Превращение человека в «функцию» в механизме цивилизационной повседневности, социального бытия, в «средство производства» благ и комфорта повседневности, по сути является нигилистическим низложением ценности человека и его бытия. Пронизывая «этос» и «устой» цивилизации, подобная парадигма человека и его бытия неотвратимо приводит к масштабным взрывам нигилизма, фактического низложения и отрицания бытия, превращения существования и судеб миллионов людей в материал исторических и политических авантюр. По сути дела, создавая на образ Кириллова, Ф. Достоевский пророчески выводил на страницах его романа «Бесы» образ человека, ставшего главным «героем» трагических, ужасающих событий и потрясений в истории грядущего столетия. Перед нами человек, поглощенный отчаянием, ненавистью к жизни, ее отрицанием, ощущением жизни как муки, «зла», проклятия для «живущего», последнее достоинство и свобода которого состоят в его решимости преодолеть страх перед смертью и сбросить с себя ненавистную, мучительную «ношу» бытия. При этом, веря в «дело и идеи» Верховенского, этот Кириллов не хочет умирать «напрасно», он намерен совершить самоубийство тогда, когда это нужно будет «для дела»,

так, что бы его смерть можно было использовать «для дела». Пронизанная отчаянием и отрицанием, жизнь этого человека предстает перед читателем каждомомментной готовностью умереть, броситься в бездну, ожиданием приказа, целесообразной необходимости умереть. Перед нами тот типический обыватель-нигилист, для которого существование есть бессмыслица, «ничто», «ад», который во власти над ним отрицания стремится и готов принести существование в жертву во имя «великого дела» или «масштабной идеи». По сути дела, Ф. Достоевский сумел глубоко, пророчески проникнуть в ситуацию и экзистенциальное состояние «типического» человека его эпохи, обращающего свои поступки и побуждения к революционным движениям, и при этом – обрисовать главного «фигуранта» событий и потрясений столетия наступающего. Писатель прозренно и философски раскрывает «механизм» превращения человека, движимого отрицанием и разочарованием в бытии, для которого бытие утратило смысл и ценность, в «материал» исторических и политических авантюр, тот путь, на котором тоталитарные, нигилистические идеи, подразумевающие жертвование судьбами и жизнями миллионов, утверждают свою власть над волей, сознанием, судьбой и бытием человека. Перед нами вдохновенный философский прообраз адепта промышленной цивилизации, превращенного этой цивилизацией в ее «буднях» и установках в нигилиста,

в орудие отрицания и смерти, преступления против ценности человека и существования. Перед нами предстает «типичский» человек эпохи, для которого жизнь есть настолько «ничто», настолько лишена всякого смысла и ценности, что влачить жизнь и «быть» означает для него отрицать себя и свое человеческое достоинство, обрекать себя на бесчеловечное страдание, а последняя свобода означает отрицание жизни, решимость прервать ее. При этом этот человек хочет, что бы его смерть послужила «делу», «идее», «пошла на пользу» – более философский, символический и обобщающий состояние человека эпохи образ, трудно себе представить. Парадокс и трагедия заключены здесь в том, что наличная данность бытия человека, нависший над ним как рок мира способ его бытия настолько извращены и враждебны человеку, настолько отрицают его как личность и ценность, что «быть», повинаясь страху перед смертью влачить существование, означает для него отрицать самого себя. Тут свобода и достоинство становятся апофеозом отрицания, выбором смерти, превращенный наличным способом его бытия и положением в мире в бессмысленную и лишенную ценности «вещь», судьба которой – смерть и забвение, человек отрицает существование, восстает против зла и проклятия «бытия». Нигилизм превращается здесь из «системы взглядов» в экзистенциальное состояние человека, во власть над ним отрицания бытия, он

может превратиться служение человека абстрактным идеям и мифам, подразумевающим «жертвоприношение» в виде миллионов жизней и судеб. Проблема в том, масса обывателей внутри цивилизации превращается вот в таких вот «кирилловых», потерянных перед адом бессмысленного и извращенного существования, над которыми безраздельно властвуют отрицание, отчаяние, ненависть к бытию – эпохальные движения человеческой массы напоминают вот это восстание против «зла» и «проклятия» бытия. Мир предстает настолько бесчеловечным, враждебным человеку и низлагающим его, что в его реалиях человека нужно «беречь» от самого себя, от его человечности, ибо его свобода и личность обращаются для него экзистенциальной катастрофой, трагедией отрицания, восстанием против судьбы в мире и «зла» жизни. Ценность человека, ценность бытия для самого человека, невозможность для человека примириться со смертью и обреченностью на небытие как неотвратимой судьбой, любовь к человеку и бытию оказываются тем, что наиболее враждебно миру, обрекающему человека на судьбу целесообразной «вещи». Перед нами человек, который не знает, что по мимо «страха и боли», «ожидания смерти», отрицания самого себя и низложения ценности человека, существование может быть еще творчеством, а значит – самоутверждением человека, его противоборством смерти, бессмыслице, забвению, утверждением им себя как ценности. Трагедия

этого человека в том, что он существует в мире, в котором человек не является ценностью и целью для самого себя, который по сути являет собой нечто, наиболее враждебное человеку, ценности человека, смыслу его бытия, началу духа, любви и созидания в человеке. Превращенный в безысходной данности его бытия в мире в «ничто», то есть в лишенную всякого смысла и ценности «вещь», человек восстает против своей судьбы, становясь покорным орудием смерти и отрицания, материалом авантюры, подразумевающих жертвоприношение в виде жизней миллионов людей, из «дара» существование превращается для него в «ничто», в «зло» и проклятие, утрачивает для него последнюю ценность. Поразительно и принципиально здесь то, что в безразличное, покорное орудие смерти и отрицания превращаются миллионные массы обычных, «типических», «социально нормативных» людей, в короткий срок, под влиянием внешних обстоятельств меняющих «обывательское» существование на обстоятельства гибели и катастрофы, становящихся искателями и вершителями смерти. Правильно объяснять подобное довлечением над человеком эпохи социальной среды и массы, когда безликость и растворенность в экзальтированной, подчиненной власти аффектов толпе, превращает человека в орудие преступления и позволяет вовлечь его в губительные по смыслу и последствиям авантюры, однако еще более глубокой причиной, «почвой»

этого является нигилизм массы, властвующее над ней отрицание существования, обесцененность существования человека в пространстве цивилизации, в «нормативном» для этого пространства способе человеческого бытия. Короче говоря, в ситуации, когда существование обладает для человека хотя бы минимальной ценностью, невозможна и немыслима готовность миллионов людей, принадлежащих разным обществам и нациям, но объединенных единой и трагической судьбой внутри цивилизации, умирать во имя абстрактных целей и идеалов, мифов и химер, историческое движение массы напоминает здесь более культ отрицания и смерти, свершение суда над проклятием и «злом» существования. Показательно, что тоталитарные и нигилистические идеологии, «мораль» которых подразумевала принесение жизней миллионов индивидов в жертву «великим» целям, к тридцатым годам прошлого века превращаются в нормативную, устойчивую форму общественного сознания, распространение которой затрагивает самые разные культурные ареалы, их утверждение становится словно бы «оформлением», конституализацией экзистенциального состояния человека внутри цивилизации, пронизывающих его противоречий. Приговоренный к судьбе «функции» в механизме социальной повседневности, превращенный в «вещь», существование которой лишено какой-либо ценности, «типический» человек эпохи становится орудием «ничто» –

смерти, отрицания, низложения, он с таким же безразличием отдает, приносит в жертву «хирамам» собственную жизнь и судьбу, с каким отнимает жизнь другого человека. Приглядимся – исторические события эпохи и исторические движения масс напоминают апофеоз отрицания, воли к смерти и уничтожению, восстание против жизни, которая в вихрях событий, в их смысле предстает более как «зло», нежели как дар или ценность. Парадигма человека и его ситуация внутри цивилизации определяются безразличием к смерти, апофеозом повседневной функциональности, незащищенностью человека перед осознанием смерти как судьбы в том мире, в котором «бог умер» и религиозный миф потерял всякую действительность и власть над человеком, а значит – неотвратим апофеоз отрицания, ибо мир и существование предстают человеку как торжество бессмыслицы, пустоты, как «ад». Такова парадигма человека, которая определяет бытие человека внутри цивилизации, она пронизана безразличием к трагедии смерти, к ценности человека и его жизни, она превращает бытие человека в царство времени, смерти, «ничто», в круговорот безликого и социально-продуктивного «функционирования». Как то незаметно из мира и существования человека, сформировавшихся на основе подобной парадигмы человека, ушел сам Человек, являющийся ценностью для самого себя, восстающий против своей конечности и судьбы ожидающей смерти,

уничтожения «вещи», в любви к бытию и самому себе устремляющийся к борьбе за вечность. Как может быть человек человек, безразличный к ожидающей его трагедии смерти, ухода в небытие, для которого ни он сам, ни его неповторимое и конечное существование не являются ценностью? Превращенный в «ничто», то есть в лишенную самостоятельной ценности «функцию повседневного», безотносительную к себе и собственной судьбе «вещь», такой человек превращается в покорное, безразличное орудие «ничто» – смерти, отрицания, низложения. При этом весь строй и способ существования человека внутри цивилизации пронизан этим «обесценением» и «безразличием», представляет собой нечто, наиболее враждебное духовному, личностному началу в человеке, которое связано с волей к вечности и противостоянию смерти, с любовью к бытию и человеку, с ценностью для него бытия. Поэтому сложно удивляться, что в недрах цивилизации, низлагающей ценность единичного человека и его бытия, превращающей бытие человека в ад бессмыслицы, целесообразной функциональности, временения по пути к смерти и уничтожению, вызревают те взрывы нигилизма, отрицания бытия, которые предстают в облике сотрясающих цивилизацию исторических катастроф. Подлинная любовь к человеку и бытию, ценность бытия для человека побуждают его восставать против смерти, противоборствовать смерти,

небытию и забвению созиданием, приобщать мгновения бытия вечности, посвящая их созиданию. Покорность и безразличие в отношении к смерти, к бесследному, безрезультатному протеканию жизни и ее мгновений «по дороге к смерти» – это некая антитеза ценности человека, любви к жизни и ее ценности для человека. Безразличие к трагедии смерти, к обреченности человека на уход в небытие – исток обесценения человека и его существования, превращения человека в «средство», «объект», предназначенную для внешних целей «вещь». Получается очевидное – мир человека, его положение и типический способ существования внутри цивилизации являются отрицанием человека как ценности, низложением ценности его неповторимого существования. Производить и использовать вещи, служить «всеобщему процветанию» и приумножению благ повседневности, позитивно и продуктивно «функционировать», исполнять социальные обязательства, во всем этом попросту ожидать уничтожения и удовлетворяться самим наличным фактом бытия, его поверхностными возможностями – такова парадигма человека и его бытия, определяющая облик цивилизации, и она является по своей сути отрицанием ценности человека и его бытия, их превращением в «ничто». Перед нами – торжество нигилизма, низложения ценности человека и существования, которые застыли в морально-ценностных категориях и парадигмах

цивилизации, в типических, «нормативных», устойчивых формах существования человека внутри нее... То есть ценность человека и его бытия низложена в «буднях» и «нормах» цивилизации, в ее «этосе»; в привычных реалиях своего бытия и положения в мире, в определяющих способ его бытия парадигмах, человек превращен в «ничто», в ожидающую уничтожения «вещь», в нечто, предназначенное для реализации внешних целей и «всеобщего» блага и процветания. Как ад бессмыслицы, как отрицание ценности человека и его бытия, предстает «типический», «нормативный» способ существования человека в пространстве цивилизации, сформированный в соответствии с «идеалами» и «моральными установками» цивилизации, лежащей в ее основаниях парадигмой человека, его предназначения. Подобное противоречие не может не обернуться двумя вещами – апофеозом отрицания, восстанием человека против того, что предстает ему как его бытие и судьба в мире, и тем inferнальным торжеством нигилизма в вихрях исторических потрясений, которое является лишь выражением, символом пронизывающей «будни» и «нормы» цивилизации «обничтоженности» человека, обесцененности человека и его существования. Превращенный в «ничто», в «глину прогресса», в «вещь» в привычных, повседневных реалиях своего бытия, человек становится разменной монетой в масштабных исторических авантюрах, «пушечным мясом»

на полях миллионных сражений, превращается в жир для мыла и материал для париков в инфернальной практике лагерей смерти. Подобные ужасы лишь свидетельствуют меру обесцененности, «десакрализованности» человека и его существования в пространстве цивилизации, в ее «этосе», «нормах» и «буднях», являются чудовищным символом нигилистического отношения цивилизации «промышленного прогресса» к человеку и его судьбе, извращенности положения человека в ее пространстве. Торжество нигилистического, функционального и целесообразного отношения к человеку в «типическом» способе его существования, когда ценность человека определяется его социальной полезностью и продуктивностью, достигает инфернального символизма в той ужасающей целесообразности отношения к человеку, когда остатки его тела становятся полезно используемым материалом. Правда, у нас нет выхода – мы должны признать, что эта инфернальная «целесообразность» в отношении к человеку есть лишь апофеоз, квинтэссенция, доведенный до нигилистического безумия символ той целесообразности и функциональности в отношении к человеку, которые пронизывают «будни» цивилизации, привычные реалия бытия человека в ней. Проще говоря, функциональное отношение к человеку, целесообразное использование человека обществом как «вещи», «средства производства» социальных благ,

в критических обстоятельствах и событиях приходят к такому инфернально символичному выражению. Когда в «этосе» цивилизации, в «типических» реалиях его бытия человек превращается в нечто, лишенное всякой самодостаточной ценности и сакральности, не стоит удивляться тому, что нигилизм и целесообразное использование, функциональность в отношении к человеку могут приобретать подобные невыносимые, чудовищные очертания, тут «латентное» становится актуальным, обнажая свою извращенную сущность и достигая чудовищного символизма. Проще говоря, нигилизм функционально-целесообразного отношения к человеку, пронизывающий «этос» и «будни» цивилизации, обретает облик исторических катастроф, в перипетиях которых человек наиболее масштабно и очевидно превращен в «ничто», прорывается преступлениями против жизни, судеб миллионов людей. Практика лагерей смерти, войн и репрессий, циничного «закабаления» миллионов людей по обвинениям в надуманных преступлениях, умерщвления сотен тысяч людей в реализации «великих проектов», демонстрирует некую последнюю, инфернальную «десакрализованность» и обесцененность человека, которая выступает лишь символом той нигилистической низложенности, обесцененности, десакрализованности человека, которая пронизывает «устои» и «этос» цивилизации. Та чудовищная «обничтоженность» человека,

которая предстает нам из практики лагерей смерти, мировых войн, репрессий и т.д., на деле является лишь символом и неотвратимым следствием той сущностной «обнищенности», обесцененности и низложенности человека, которая пронизывает устои и этос «цивилизации прогресса», обосновывающую ее парадигму человека. Помимо этого, в inferнальной обесцененности и десакрализованности человека в практике лагерей смерти, очевидно проступает забвение идеи личности в человеке, его единичности, трагизма и неповторимости его личностной судьбы, торжество представления о человеке как «социальном индивиде», социо-биологическом материале, представителе «расово-родовой популяции». Нет «неповторимого человека», представляющего собою хоть какую-то ценность – его просто не способны различить в другом человеке, который предстает просто как «социальный индивид», помеченный символически той или иной социальной группы, как «классовый» или «расово-видовой» враг, подлежащий безжалостному уничтожению во имя «величия и спасения нации», «социального прогресса» и т. д. Культура и сознание исторической эпохи демонстрируют чудовищную, но показательную отчужденность людей друг от друга, их неспособность различить друг в друге неповторимость и трагизм существования, человеческую ценность и «единичность». По сути дела, человек

эпохи, существование и индивидуальность которого утратили последнюю ценность, оказывается нигилистически безразличен к жизни, судьбе и неповторимости другого человека. Перед нами торжество форм ксенофобского, коллективно-родового сознания, уничтожающее прозрения экзистенциального опыта и сознание «единичности» человека, его личности, низлагающее ценность «личного» и «единичного». Промышленное, технологически продуманное и массовое уничтожение людей, становящееся концом целесообразного использования их труда, выступает нигилистическим символом функционального отношения к человеку, его обезличенности и объективированности в привычных реалиях его бытия, того нигилизма, который пронизывает концепцию «социально полезного» и «продуктивного» существования, предназначенности «единичного» для «служения всеобщему». Перед нами предстает уничтожение миллионов судеб, неповторимых человеческих индивидуальностей так, как будто бы они лишены какой-либо «неповторимости» и «индивидуальности», представляют собой лишь массу «статистических», лишенных «лица» и ценности, функционально задействованных «объектов», то есть то, чем привычно и является человек в реалиях цивилизации. Нигилизм в отношении к человеку, низложение ценности человеческого бытия пронизывают не просто «парадигму» человека и некие «общие» установки в отношении

к нему, а реалии его бытия, фактический способ его существования, «будни» цивилизации, внутри которых человек, его жизнь и судьба превращены в «ничто», фактически обесценены. По сути дела, мир человека и способ его существования пронизаны фактическим отрицанием ценности человека и его бытия, человек как подлинная ценность и цель самого себя немислим в том мире и «континууме» человеческого бытия, которые создала цивилизация «социального и промышленного прогресса». Проблема в том, что в его мире и способе его существования низложенный как ценность, обреченный на судьбу ожидающей уничтожения «вещи», превращенный в «ничто» и принужденный к обесцененности своего бытия, человек превращается в орудие отрицания, он восстает против своего удела, против «зла» и «проклятия» существования, которое ощущается им как «ад бессмыслицы» – это отрицание существования предстает нам как суть определяющих облик эпохи исторических событий. Цивилизация обесценивает и десакрализует человека в том, что продуцирует как «типический» способ его существования, в тех парадигмах человека и представлениях о цели и предназначении его бытия, которые обосновывают его «типическое» существование – что же удивительно в том, что в исторических потрясениях и катастрофах становятся возможны чудовищные по своим масштабам преступления против ценности существования и человека?

Того «человека» и «существования», которые низложены, обесценены, превращены в «ничто» в «нормах» и «буднях» цивилизации, в ее «этосе»? Как же можно побудить блюсти «святость», ценность человека, его жизни и судьбы, если таковые низложены, обесценены, десакрализованы в нормах типического и повседневного существования человека, в определяющих таковое установках, в привычных реалиях мира и бытия человека внутри цивилизации? Как же можно удивляться, что цивилизация, в ее этосе и буднях превращающая человека и его бытие и судьбу в «ничто», в средство приумножения всеобщего процветания и блага, в типическом способе существования отрицающая ценность человека и его бытия, наиболее символично и чудовищно низлагает ценность человека и существования в перипетиях исторических катастроф? Более того, одно не отделимо от другого – цивилизация, в ее нормах и буднях пронизанная нигилизмом в отношении к человеку, низлагающая ценность человека и его бытия, неотвратимо должна прийти к тому апофеозу отрицания и нигилизма, каковым являются ужасы мировых войн, репрессий и промышленного уничтожения людей. Как можно удивляться, что обреченный в привычных реалиях его бытия на безразличие к смерти и небытию, на судьбу ожидающей уничтожения «вещи», человек сам превращается в безразличное к ценности бытия оружие смерти, отрицания, уничтожения? Как же можно удивляться, что человек, низложенный как

ценность внутри цивилизации, в парадигмах, установках и повседневных реалиях этой цивилизации, приговоренный к существованию как «ожиданию смерти» и социально продуктивному функционированию «на всеобщее благо», ощущает существование как ад бессмыслицы, зло и проклятие, отрицает его, восстает против него? Как часто в облике обсуждаемых нами исторических событий человек предстает как «бес», то есть как холодное, безразличное орудие смерти, отрицания, уничтожения, а деяния человека напоминают культ смерти и отрицания, вершение «суда» над злом и проклятием существования... Проблема и подлинная загадка состоят здесь в том, что таким образом предстает человек «статистический» и «социально нормативный», растворенный в институтах цивилизации обыватель, вчерашний рабочий, служащий или хозяин лавки, под довлением обстоятельств безразлично променявший привычный образ жизни на карнавал смерти и уничтожения. Проблема в том, что внутри эпохи «обывательство» и «социальная нормативность» таят в себе глубинный нигилизм, который прорывается исторических потрясениях, позволяет в короткий срок превратить типического и нормативного человека в покорное, безразличное орудие преступлений и смерти. Получается, что «социальная» парадигма человека, взгляд на человека как «социальный индивид», бытие которого предназначено для служения «обществу»,

«всеобщему прогрессу и процветанию», «производству и приумножению социальных благ» – это квинтэссенция самого радикального нигилизма в отношении к личности человека, низложения ценности единичного человека и его бытия. Пронизывая устои цивилизации, определяя типический способ существования человека внутри нее, эта парадигма служит истоком обесценения человека и его бытия в пространстве цивилизации, которое приводит к наиболее нигилистическому, циничному использованию масс людей как «материала» политических и исторических авантюр, побуждает человеческую массу к отрицанию бытия. Принципиально понимать, что основополагающей проблемой бытия человека является не удовлетворение потребностей и повседневной необходимости, социальное производство и воспроизводство, а трагедия смерти, конечности человека. Превращение смерти в трагедию, по мысли К. Ясперса знаменует собой эпоху духовного пробуждения человека, преобразования его истории и культуры, которую он называет «осевое время», переживание смерти как трагедии есть исток становления гуманистического отношения к человеку как самодостаточной ценности и цели самого себя. Проблема эта должна быть тем или иным образом осознана и разрешена в пространстве культуры, в основаниях способа бытия человека: либо сокрыта от него, либо оказываясь перед ней лицом к лицу, человек должен иметь возможность

противостояния смерти, самоутверждения и творчества – с этим связаны смысл и ценность для него бытия. Правда в том, что ценность человека для самого себя, его любовь к самому себе и бытию связаны для него с противостоянием смерти, с волей к вечности и попыткой пожать небытие, смерть, забвение, любовь к бытию и воля к самоутверждению разворачиваются в восстание против обреченности на уничтожение как судьбы. Покорность перед смертью как судьбой, безразличие к трагедии смерти, к обреченности на уничтожение и смерть – это исток нигилистического низложения ценности единичного человека и его бытия, безразличия к существованию. Попытка утверждать, что не смерть, забвение и уничтожение являются главной проблемой человека, а исполнение социальных обязательств и карьера, служение всеобщему благу и приумножение повседневного комфорта, социальная полезность и продуктивность его жизни – по сути является истоком нигилистического низложения человека, ценности его существования. Приглядимся – это «утверждение», безразличие к смерти как трагедии бытия и личной судьбы человека, пронизывает весь строй и способ существования человека внутри цивилизации, определяющие его установки. Проблема в том, что человек как личность, в его человечности и любви к бытию, как ценность для самого себя не может быть безразличен к смерти, восстает против смерти

и борется за сопричастность вечности, безразличие к смерти – это исток нигилистического безразличия к жизни и человеку. Проблема и в том, что невозможность примириться со смертью как неотвратимой судьбой, восстание против этой судьбы обращаются нравственной ответственностью человека за дар бытия, его превращением в поле противостояния смерти и забвению, созидания и самоутверждения, а значит – восстанием человека против существования как апофеоза повседневности, безразличного «временения» по пути к смерти, подобное существование переживается человеком как «бессмыслица» и отрицается им. Поэтому мир и цивилизация, пронизанные безразличием к трагедии смерти и личной судьбы человека, в мгновения «пробуждения» и осознания своей ситуации предстают ему как «ад», царство пустоты, бессмыслицы, смерти, как нечто ему враждебное, любовь к бытию и человеку как к ценности может быть истоком отрицания мира и наличного способа существования человека в нем, конфликта человека и мира. Бытие как ожидание уничтожения, «временение по пути к смерти» лишено для человека всякого смысла и ценности, предстает ему как проклятие, ад бессмыслицы, «зло», как нечто, принципиально враждебное его личности, его ценности, признание ценности человека и его существования обращается конфликтом человека с тем способом существования, который ему навязывает мир.

Смысл существования очевидно связан для человека с надеждой на то, над чем не властны смерть, уничтожение, забвение, однако он не находит этого в наличной данности своего бытия, в той судьбе, на которую его обрекают мир, цивилизация, повседневность, мир и бытие предстают человеку царством смерти, времени, бессмыслицы. Получается тот страшный и очевидный факт, что приспособиться к данности его бытия в мире, к «типическому» способу существования, который мир и цивилизация навязывают ему, человек может только через «вымертвление» в нем всякой любви к бытию и самому себе, через торжество в нем нигилистического безразличия к смерти, к самому себе, к ценности его бытия. Парадокс в том, что способ существования человека в реалиях цивилизации оказывается чем то, наиболее «дегуманизированным» и нигилистичным, враждебным человеку и ценности человека, отрицающим его как ценность и цель самого себя. Проблема в том, что низложение человека, принуждение человека относиться к самому себе и своему бытию как к «ничто», как к тому, что лишено ценности, неотвратимо обращается превращением человека в орудие «ничто», в его готовность под давлением обстоятельств безразлично отдавать и отнимать дар существования. При этом культурная, экзистенциальная ситуация человека эпохи такова, что он лишен того последнего убежища, спасения от реальности смерти,

пустота и абсурда, которым для человека минувших эпох являлась действительность религиозного мифа. Проблемы две – беззащитность человека перед трагедией смерти и пустоты в мире, в котором «бог умер», его открытость критическим состояниям существования, связанным с опытом «пробуждения», и чудовищная «дегуманизованность» мира и бытия человека, в реалиях которых он превращен в ожидающую смерти «вещь», растворен в механизме цивилизационной повседневности как «функция», как «придаток» созданного ею мира вещей и благ, а значит – отдален от возможности творческого существования, с которой связана для него надежда перед лицом смерти и бессмыслицы. Находясь на грани «забвения и осознания», открытости трагическим реалиям существования как движения к смерти, человек эпохи оказывается беззащитен перед «бессмыслицей» как данностью его бытия и судьбы в мире, перед обрушением в бездну пустоты, отрицания и отчаяния, от которого огражден человек, для которого бытие и его мгновения не являются движением к смерти, уничтожению. Беззащитный перед осознанием смерти как судьбы и существования как неумолимого движения к смерти, человек оказывается лицом к лицу перед чудовищностью его судьбы и положения в мире, перед данностью его бытия как адом бессмыслицы, отчаяния, стояния «на грани». Приговоренный наличной данностью

и способом своего бытия в реалиях цивилизации к судьбе «вещи», к обесцененности его личности и его существования, человек превращается в орудие смерти, отрицания, уничтожения, безразлично отдает и отнимает жизнь, преступает против святости личности и жизни «другого», приносит дар существования в жертву мифам, идеологическим химерам, абстрактным целям и идеям. Причины и корни того, что взрывы нигилизма стали неотъемлемой составляющей истории новейшей цивилизации, нужно искать в противоречиях внутри самой этой цивилизации и определяющей ее парадигмы человека, в положении и способе существования человека внутри нее, в неразрешенности тех основополагающих дилемм, с разрешением которых для человека связаны ценность и смысл его существования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.